

A movie poster for the film 'The Road' by Cormac McCarthy. The image shows a man and a young boy in heavy, dark, hooded winter coats walking through a heavy rain or snow. The man is in the foreground, looking slightly to the side with a determined expression. The boy is behind him, looking forward. The background is a bright, hazy orange-yellow, suggesting a sunset or sunrise. The overall mood is somber and survivalist.

КОРМАК МАККАРТИ

Дорога

Лауреат Пулицеровской премии

PREMIUM

Кормак Маккарти

Дорога

«Азбука-Аттикус»

2006

Маккарти К.

Дорога / К. Маккарти — «Азбука-Аттикус», 2006

ISBN 978-5-389-08371-4

После катастрофы Отец и Сын идут через выжженные земли, пересекая континент. Всю книгу пронизывают глубокие, ранящие в самое сердце вопросы. Есть ли смысл жить, если будущего – нет? Вообще нет. Есть ли смысл жить ради детей? Это роман о том, что все в жизни относительно, что такие понятия, как добро и зло, в определенных условиях перестают работать и теряют смысл. Это роман о том, что действительно важно в жизни, и о том, как это ценить. И это также роман о смерти, о том, что все когда-нибудь кончается, и поэтому нужно каждый день принимать таким, какой есть. Нужно просто... жить.

ISBN 978-5-389-08371-4

© Маккарти К., 2006
© Азбука-Аттикус, 2006

Кормак Маккарти

Дорога

Посвящается Джону Френсису Маккарти

Cormac McCarthy

THE ROAD

Copyright © 2006 by M-71, Ltd.

All rights reserved

© Ю. Степаненко, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

2014 Издательство АЗБУКА®

Всякий раз, просыпаясь в лесу холодной темной ночью, он первым делом тянулся к спящему у него под боком ребенку – проверить, дышит ли. Ночи чернее преисподней, каждый новый день на толику мрачнее предыдущего. Словно безжалостная глаукома еще только-только зарождается, а мир вокруг уже начал тускнеть. Его рука мягко поднималась и опускалась в такт с драгоценным дыханием. Выбравшись из-под полиэтиленовой накидки, он сел в ворохе вонючей одежды и грязных одеял и поглядел на восток в поисках солнца, которого не было. Ночью ему снился сон. Во сне они бродили по пещере: ребенок вел его, держа за руку. Как пилигримы из сказки, проглоченные гранитным чудовищем и затерявшиеся в его чреве. Пламя их светильника отражалось в мокрых наростах на стенах. Вода негромко журчала в проточенных в камне отверстиях. Трудилась в тишине ежеминутно, час за часом, день за днем, год за годом. Без перерыва. Они ходили по пещере, пока не очутились в каменном зале с черным древним озером. На дальнем берегу сидело какое-то непонятное существо. Оно оторвало морду от воды, так что показалась его мокрая пасть, и уставилось на свет невидящими, белесыми, словно пау-чий яйца, глазами. Потом повело головой, будто стараясь унюхать то, чего не могло увидеть. Бледное, голое, полупрозрачное, припало к земле – алебастровые ребра отбрасывали гигантскую тень на камни позади. Его кишки, его быющее сердце. Мозги, пульсирующие в стеклянной колоколообразной черепной коробке. Повертело головой, затем глухо завывло, повернулось к ним спиной и беззвучно и неуклюже усакало в темноту.

С первым проблеском света он поднялся, и, оставив мальчика досыпать, вышел на дорогу, и сел на корточки, и стал изучать местность к югу от них. Ни души, ни звука, ни следа Божьего присутствия. Решил, что сейчас октябрь, но не был твердо уверен. Очень давно уже не вел календарь. Они двигались на юг. Еще одну зиму здесь не пережить.

Когда стало достаточно светло, он смог в бинокль рассмотреть долину внизу. Все меркло в тумане. Пепел закручивался спиралями на черной поверхности земли. Он внимательно изучал все, что попадало в поле зрения. Участки дороги посреди мертвого леса. Старался не пропустить хоть какое-нибудь цветное пятно, какое-нибудь движение, малейший намек на дым. Опустил бинокль, стянул марлевую маску с лица, и вытер запястьем нос, и опять начал рассматривать окрестности. А потом просто сидел с биноклем в руке и наблюдал, как серый день разливается над землей. Он знал одно – ребенок был его спасением. Сказал себе: «Если он не творение Господне, значит Бога никогда не было».

Когда он вернулся, мальчик еще спал. Стащил с него полиэтиленовую накидку, сложил, и отнес в тележку, и возвратился с тарелками, кукурузными лепешками и сиропом в пластиковой бутылке. Потом расстелил на земле кусок брезента, который служил им столом, расставил еду

и тарелки. Достал из-за пояса револьвер, положил его рядом на тряпки и долго сидел, наблюдая за спящим ребенком. Во сне мальчик стянул с лица маску, она затерялась среди одеял. Смотрел на сына и поглядывал на дорогу сквозь деревья. Место было далеко не безопасным. При дневном свете их можно легко увидеть с дороги. Мальчик заворочался в одеялах. Потом открыл глаза.

– Привет, пап.

– Я здесь.

– Я знаю.

Примерно час спустя они уже шагали по дороге. Он толкал тележку. У обоих за спиной рюкзаки с самыми необходимыми вещами. На тот случай, если придется бросить тележку и спастись бегством. На ручку тележки прицепил хромированное зеркало от мотоцикла, чтобы видеть дорогу за спиной. Подтянул рюкзак повыше и осмотрел вымершую местность. Дорога пуста, в маленькой долине внизу только неподвижный серый серпантин реки. Сухое русло и четкие очертания берегов с зарослями сухого камыша.

– Ты как?

Мальчик кивнул: все в порядке. Пошли. По выжженной земле, взбивая ногами пепел, полагаясь только друг на друга.

Реку перешли по старому бетонному мосту и через несколько миль наткнулись на придорожную автозаправочную станцию. Стояли посреди дороги и внимательно изучали заправку.

– Думаю, надо ее проверить. Все осмотреть.

Трава под ногами рассыпалась в прах. Пересекли разбитую асфальтовую площадку и обнаружили в земле резервуар. Крышки не было; он согнулся, упершись локтями в землю, пытаясь по запаху определить, есть ли там бензин. Запах горючего был едва ощутим. Поднялся и оглядел автозаправку. Шланги колонок, как ни странно, на своих местах. Все окна целы. Дверь в мастерскую техремонта была приоткрыта, и он зашел внутрь. Металлический шкаф с инструментами около стены. Покопался в ящиках, но ничего, что могло бы пригодиться, не нашел. Полудюймовые торцевые ключи в хорошем состоянии. Храповик. Продолжал разглядывать помещение. Железная бочка с мусором. Перешел в соседнюю комнату. Повсюду пыль и пепел. Мальчик появился в дверях. Металлический стол, касса. Старые автомобильные справочники, разбухшие от сырости. Линолеум весь в пятнах, задравшийся там, где капало сквозь дырявую крышу. Он подошел к столу, постоял перед ним. Затем снял телефонную трубку и набрал номер отца из той, прошлой жизни. Мальчик наблюдал за ним.

– Что ты делаешь?

Отойдя уже на четверть мили от этого места, он остановился и оглянулся.

– Мы как-то не подумали. Надо вернуться.

Столкнул тележку с дороги и упрятал ее подальше от чужих глаз. Оставив рюкзаки, они пошли назад к автозаправке. В мастерской он выдвинул из угла железную бочку и вытряхнул из нее мусор. Выудил из кучи пластиковые бутылки из-под машинного масла. Потом они сидели на полу и методично сливали остатки масла из бутылок. Перевертывали их горлышками вниз и оставляли стоять в тазике, пока не набралось с четверть литра. Слил масло в одну бутылку, закрутил пластмассовую пробку, вытер бутылку тряпкой и прикинул на вес. Вот и масло для их крошечного ночника, хватит на долгие серые рассветы и на долгие серые закаты.

– Теперь ты сможешь почитать мне сказку. Верно, пап?

– Да, смогу.

В дальнем конце долины дорога шла по выжженной местности. Обугленные, без единой ветки стволы деревьев подступали с обеих сторон. Ветер гнал по дороге пепел, провисшие оголенные провода между почерневших электрических столбов тихо поскуливали в порывах ветра. Сожженный дом на поляне, за ним – бесплодные бесцветные луга и крутые красноватые речные берега с брошенной где попало строительной техникой. На вершине холма какое-то время постояли на пронизывающем холодном ветру, переводя дыхание. Он вопросительно посмотрел на мальчика.

– Я нормально, – сказал тот.

Он положил ему руку на плечо и кивнул в сторону расстилающейся внизу долины. Достал из тележки бинокль и, не сходя с дороги, поглядел туда, где просматривался силуэт города, темный, словно рисунок углем, на фоне выжженной равнины. Глазу не за что зацепиться. Ни струйки дыма.

– А можно, я посмотрю? – спросил мальчик.

– Да-да, конечно.

Мальчик облокотился на тележку и настроил бинокль.

– Что ты видишь?

– Ничего. – Сын опустил бинокль. – Дождь пошел.

– Да. Вижу.

Они накрыли тележку полиэтиленом и оставили ее в овраге. Сами, огибая черные лесины, поднялись по склону к каменному выступу, который он раньше приметил, спрятались там и стали смотреть, как серые струи дождя секут долину. Холод пробирал до костей. Сидели, тесно прижавшись друг к другу, завернувшись в одеяла поверх курток. Вскоре дождь прекратился, только капли со стуком падали с деревьев.

Когда ветер окончательно разогнал тучи, они пошли к тележке, и скинули полиэтилен, и взяли одеяла и все необходимое для сна. Поднялись на вершину холма и устроились на сухой земле под выступом, а после он сидел, обняв мальчика, стараясь его согреть. Закутавшись в одеяла, смотрели, как надвигается непроницаемая темнота. Силуэт города растворился в ней, будто привидение, и он зажег маленький ночник и поставил его с подветренной стороны. Потом они спустились к дороге, и он взял мальчика за руку, и они пошли на другой склон холма, где дорога добиралась до самого верха, откуда еще можно было разглядеть погружающуюся во мглу местность к югу. Долго стояли в своих одеялах на ветру в надежде увидеть свет костра или лампы. Ничего. Только тусклое пятно света их ночника. Затем вернулись обратно. Костер не разжечь – все отсырело. Пришлось съесть скудный ужин холодным и улечься, пристроив лампу между собой. Он захватил книжку для мальчика, но тот слишком устал.

– А можно, лампа погорит, пока я не усну?

– Конечно можно.

Мальчик никак не мог заснуть. Повернулся и посмотрел на отца. В тусклом свете ночника его лицо с темными разводами от дождя напоминало старинную маску трагика.

– Можно, я у тебя кое-что спрошу? – сказал мальчик.

– Да. Конечно.

– Мы умрем?

– Когда-нибудь. Не сейчас.

– Но мы и дальше будем идти на юг.

– Да.

– Там будет тепло.

– Да.

- Хорошо.
- Что «хорошо»?
- Ничего. Просто хорошо.
- Спи.
- Хорошо.
- Я сейчас задую ночник, ладно?
- Да, ладно.
- А затем из темноты:
- Можно, я еще кое-что спрошу?
- Да. Конечно.
- Что ты будешь делать, если я умру?
- Если ты умрешь, я хотел бы тоже умереть.
- Чтобы не расставаться со мной?
- Да. Чтобы не расставаться с тобой.
- Хорошо.

Лежал и слушал стук капель в лесу. Голые скалы вокруг. Холод и тишина. В пустоте унылый переменчивый ветер гоняет туда-сюда прах погибшего мира. Перенесет, рассыплет, опять перенесет. Все в этом мире вырвано с корнем, зависло в безжизненно-сером воздухе, все держится на одном дыхании, коротком и слабом. Почему мое сердце не из камня?

Проснулся и наблюдал за наступлением серого дня. Медленного, туманного. Поднялся, пока мальчик спал, надел ботинки и, закутавшись в одеяло, пошел между деревьями. Спустился в расщелину в скале и там присел, скорчившись, долго, непрерывно кашляя. Потом сел прямо на пепел. Поднял голову навстречу сумрачному дню. Прошептал:

– Ты там? Когда мы наконец встретимся? У тебя есть горло, чтоб я мог тебя задушить? У тебя есть сердце? А душа? Будь ты проклят! О, Боже, – прошептал он. – О, Боже.

Город они пересекли на следующий день пополудни. Револьвер, чтобы был под рукой, он положил поверх свернутого полиэтилена в тележке. Мальчика не отпускал от себя ни на шаг. Город был почти полностью сожжен. Никаких признаков жизни. Машины на дороге засыпаны пеплом, все покрыто толстым слоем сажи и пыли. Окаменевшие следы в засохшей глине. Труп в дверях – сухой, как пергамент. С застывшей гримасой. Он притянул к себе мальчика.

– Все, что ты сейчас запомнишь, останется с тобой навсегда. Хорошенько об этом подумай.

– Но что-то иногда забывается?

– Да, ты забудешь то, что хочешь помнить, и будешь помнить то, что хотел бы забыть.

В миле от фермы его дяди лежало озеро, куда они осенью вдвоем отправлялись за дровами. Он сидит на корме лодки, опустив руку в холодную волну, а дядя гребет. Дядины ноги в детских черных ботинках упираются в перекладыны. Соломенная шляпа. Трубка из кукурузного початка в зубах, тонкая струйка слюны висит в уголке губ. Дядя оборачивается, чтобы разглядеть дальний берег, поднимает над водой весла, вынимает трубку изо рта и тыльной стороной ладони вытирает подбородок. Березы подступают к воде, их белоснежные стволы резко выделяются на фоне темного ельника. По берегу сплошь потемневшие от времени и непогоды вывернутые пни, все, что осталось от поваленных когда-то ураганом деревьев. Сами деревья давным-давно распилены на дрова и вывезены. Дядя разворачивает лодку, складывает весла, лодку несет течением по мелководью, пока днище не начинает скрести по песку. Дохлый окунь покачивается вверх брюхом в прозрачной воде. Желтые листья. Они оставляют ботинки на прогретых крашеных досках кормы, вытаскивают лодку на берег и бросают якорь. Их якорь

– заполненная цементом железная банка из-под топленого сала с крюком посередине. Идут вдоль берега, дядя рассматривает пни, попрыгивает трубкой, на плече у него – свернутая кольцом грубая пеньковая веревка. Находит подходящий пень. Они его переворачивают и, держа за корни, волокут к воде. Завернутые по колено штаны все равно промокают. Привязывают веревку к поперечине на корме и переплывают озеро; пень медленно тащится за лодкой. Темнеет. Только и слышно что размеренный скрип уключин. Темное зеркало озера и отблески света, загорающегося в домах на берегу. Звук радио где-то вдалеке. Плывут, не произнося ни слова. Идеальный день. Из детства. Один из тысячи.

Много недель они упорно двигались на юг. Одни. Гористая суровая местность. Дома из алюминия. Временами сквозь редкую поросль удавалось разглядеть отрезки хайвея внизу. Становилось все холоднее. Стоя в ущелье высоко в горах, они смотрели вперед, туда, где у подножия хребта, насколько было видно, лежала выгоревшая дотла страна. Почерневшие массивы скал среди гор пепла, волны пепла, устремляющиеся вверх и летящие над пустыней. След тусклого солнца, неприметно скользящего в полумраке.

Долго преодолевали этот неприветливый край. Мальчик нашел цветные карандаши и нарисовал на маске клыки. Ни разу не пожаловался, хотя еле передвигал ноги. Одно из передних колесиков тележки расшаталось. Что делать? Ничего. Огонь выжиг землю, про костер можно просто забыть, наступили долгие темные холодные ночи – таких еще не бывало. Холод, от которого трескаются камни. Который отнимает жизнь. По ночам прижимал к себе дрожащего ребенка и в темноте считал каждый его слабый вдох и выдох.

Его разбудили далекие раскаты грома. Сел. Слабые вспышки непонятного происхождения в пелене перемешанного с сажей дождя. Повыше натянул полиэтилен и долго лежал, прислушиваясь. Если они промокнут, просохнуть будет негде, и их, скорее всего, ждет смерть.

Ночами он просыпался в непроницаемой темноте. В темноте, от которой болели уши, так напряженно он вслушивался. Довольно часто приходилось вставать. Никаких звуков, кроме свиста ветра в голых обугленных деревьях. Он поднимался и, пошатываясь, стоял в холодном беззвучном мраке, расставив для равновесия руки, прислушиваясь к командам, которые мозг давал телу. Все по заведенному порядку: держаться прямо, не падать, даже если пошатнешься. Широко шагая навстречу пустоте, считал в уме шаги, прежде чем повернуть назад. Глаза закрыты, руки загибают в воздухе. Выпрямился – навстречу чему? Чему-то безымянному в ночи, прародительнице всего живого, а может, самой утробе земли. По сравнению с ней и он, и звезды просто песчинки. Как огромный маятник качается в такт движению Вселенной, о существовании которой даже и не подозревает. А она тем не менее существует.

Им понадобилось два дня, чтобы пересечь это мертвое пространство. Дальше дорога шла по гребню горного хребта, окруженного со всех сторон вымершим лесом.

– Снег идет, – сказал ему мальчик.

Он посмотрел на небо. Одна-единственная сероватая снежинка планировала вниз. Поймал ее и наблюдал, как она тает на ладони. Будто прощался с последним защитником христианского мира.

Продолжали идти вперед, накрывшись с головой полиэтиленом. Влажные серые хлопья летели из пустоты и кружились в воздухе. Талый снег на обочине. Черная жижа, сочащаяся из-под наносов мокрого пепла. Никаких тебе ритуальных костров на отдаленных вершинах. Скорее всего, приверженцы жертвоприношений уже поубивали друг друга. Никто не проходил

этой дорогой. Ни разведчики, ни мародеры. Вскоре они наткнулись на придорожную автомастерскую. Постояли в дверном проеме, глядя, как со стороны гор несутся потоки дождя со снегом.

В мастерской нашлось несколько старых коробок, из которых разожгли на полу костер. Он отыскал кое-какие инструменты, и вывалил вещи из тележки, и принялся за ремонт колесика. Выкрутил болт, высверлил дрелью старую втулку, а на ее место вставил кусочек трубы нужной длины. Вкрутил болт и покатал тележку по полу. Едет неплохо. Мальчик следил за ним, не сводя глаз.

Утром двинулись дальше. Пустынная местность. На двери сарая прибита кабанья шкура. Жалкое зрелище. Пучок щетины вместо хвоста. В сарае, в узкой полоске тусклого света, висят на стропилах три трупа, сухие и пыльные.

– Внутри может быть какая-нибудь еда. Кукуруза или еще что-нибудь, – сказал мальчик.
– Пошли отсюда, – ответил он.

Больше всего его беспокоила их обувь. Обувь и еда. Еда – постоянно. В какой-то старой копильне нашли забытый в дальнем углу окорок. Можно было подумать, черт-те сколько пролежавший в могиле. Окаменевший от времени. Взрезал его ножом. Под жесткой коркой – темно-красное соленое мясо. Вроде есть можно. Питательное. В тот же вечер поджарили над костром толстые куски окорока и добавили их в банку тушеных бобов. Позже он очнулся в темноте, почудилось, будто слышит барабанную дробь где-то внизу, среди темных холмов. Потом ветер поменял направление, и звуки поглотила тишина.

Во сне бледная невеста выходит ему навстречу из-под зеленого полога ветвей. Соски обмазаны белой глиной, на теле – белые полосы. Газовое прозрачное платье, темные волосы собраны в пучок и заколоты перламутровыми гребешками цвета слоновой кости. Ее улыбка, ее потупившиеся глаза. Утром опять пошел снег. Крохотные бусинки серого льда нанизаны на электрические провода над головой.

Ничему этому он не верил. Сказал себе, что у человека в опасности и сны должны быть соответствующие – про опасные испытания; а если нет таких снов, то это признак бессилия и близкой смерти. Спал недолго и беспокойно. Снилось, что они с сыном гуляют в весеннем саду, под куполом ослепительно-синего неба порхают птицы, но он знал, как заставить себя проснуться, вырваться из этих манящих миров. Лежал в темноте, пока не пропал давно забытый вкус персика из призрачного сада во сне. Подумал: проживи он еще хоть сколько-то, мир в конце концов полностью исчезнет. Так у ослепшего человека стираются из памяти детали потонувшего в вечной темноте мира.

Видения преследовали его в пути. Но он продолжал двигаться вперед. Помнил все, за исключением ее запаха. Помнил, как в театре сидела рядом, подавшись вперед, захваченная музыкой. Золотая роспись, настенные светильники, тяжелые складки занавеса по обеим сторонам сцены. Она положила его руку себе на колени, и он мог нащупать резинки ее чулок сквозь тонкое полотно летнего платья. Останови это мгновение. А теперь всколыхни со дна души все темное и ледяное и отправляйся в ад.

Смастерил из двух найденных старых веников щетки, и прикрутил их к тележке так, чтобы они сметали сучки и ветки перед колесиками, и посадил мальчика в тележку, а сам пристроился на поперечной железке, как погонщик собачьей упряжки, и они покатали вниз с

холма, управляя спуском и наклоняясь на поворотах, словно заправские бобслеисты. Впервые за долгое время он увидел на лице сына улыбку.

У основания холма дорога делала петлю. Деревья там расступались, образуя просвет. Старая просека в лесу. Они сели на скамейку на обочине и стали смотреть на впадину, теряющуюся в плотном тумане. Внизу виднелось озеро. Холодное, серое, неподвижное посреди изувеченной чаши долины.

– Что это, пап?

– Дамба.

– Зачем она нужна?

– Без дамбы не было бы озера. Раньше в этом месте была река. Вода, падая с дамбы, крутила громадные, похожие на вентиляторы турбины. Они вырабатывали электричество.

– Чтобы лампочки горели?

– Да, чтобы лампочки горели.

– Мы можем спуститься и посмотреть?

– Нет. До нее слишком далеко.

– Она долго простоит?

– Думаю, да. Она из бетона. Скорее всего, простоит несколько веков. А то и тысячелетий.

– Как ты думаешь, рыба там водится?

– Нет, ничего в этом озере нет.

В том далеком-далеком прошлом где-то поблизости от этого места он видел, как сокол камнем падал с голубой скалы, и врзался в стаю аистов, и хватал одного, и тащил вниз к реке. Долговязый нескладный аист безжизненно болтался в когтистых лапах и все ронял, ронял в холодном осеннем воздухе свои белоснежные перья.

Зернистый воздух, вкус которого навсегда остается во рту. Они стояли под дождем, как стоит стадо, застигнутое непогодой. Затем двинулись дальше, растянув полиэтилен над головой, под монотонный шум дождя. Ноги насквозь промокли и замерзли, а обувь скоро совсем развалится. На склонах – мертвые, втопанные в грязь стебли пшеницы. В пелене дождя – черные силуэты обугленных деревьев на гребнях холмов.

Зато в его снах бушевали яркие цвета. А как еще может заявить о себе смерть? Сразу после пробуждения все моментально обращалось в пепел. Так от дневного света разрушаются фрески, столетиями сохранявшиеся в замурованных гробницах.

Дождь прекратился, потеплело, и они наконец-то спустились в долину. Кое-где еще проступают очертания фермерских участков. Нигде ни травинки, все сухое и мертвое до самых корней. Высокие, обшитые вагонкой дома. Одинаковые железные крыши. Длинный сарай посреди поля с рекламой по скату крыши: десятифутовые выцветшие буквы приглашают посетить Рок-Сити.

Придорожные кусты разрослись и превратились в непроходимую стену перепутанных черных колючек. Никаких признаков жизни. Он оставил мальчика посреди дороги с револьвером наготове, а сам поднялся по истертым каменным ступенькам на открытую веранду старого фермерского дома и, приставив руку к глазам, заглянул в окно. В дом вошел через кухонную дверь. Мусор на полу, старые газеты. Посуда в шкафу, кружки на крючках. Прошел по коридору и остановился в дверях гостиной: старинная фисгармония в углу, телевизор, дешевые диваны, а рядом – ручной работы шкаф из вишневого дерева. Поднялся на второй этаж.

Спальни. Все покрыто пеплом. Детская комната, на подоконнике мягкая игрушка – собака, будто выглядывающая в сад. Покопался в стальных шкафах. Сбросил покрывала с кроватей и обнаружил два совсем неплохих шерстяных одеяла. Потом спустился в кухню. В кладовке нашел три банки консервированных помидоров домашнего приготовления. Сдул пыль с крышек и осмотрел со всех сторон. Кто-то до него не рискнул взять банки, и он тоже не решился. Вышел из дома с перекинутыми через плечо одеялами. Зашагали дальше.

На окраине города наткнулись на супермаркет. Несколько старых машин посреди захлащенной парковки. Там оставили свою тележку. Прошли по заваленным мусором рядам. В овощном отделе на дне ящиков нашлось несколько окаменевших фасолин да мумифицированные останки того, что когда-то было абрикосами. Мальчик не отставал ни на шаг. Через заднюю дверь вышли наружу, где ничего, кроме пары заржавевших тележек, не было. Вернулись назад в магазин – искали тележку поновее, но безуспешно. Рядом с входной дверью – опрокинутые на пол и разбитые монтировкой два автомата для продажи кока-колы. В пыли – разбросанные по полу монеты. Он сел, запустил руку внутрь: во втором автомате пальцы наткнулись на холодный металлический цилиндр. Медленно вытащил руку с добычей и уставился на банку кока-колы.

- Что это, пап?
- Кое-что вкусненькое, для тебя.
- Что это?
- Подожди. Садись.

Ослабил узлы, помог мальчику снять рюкзак и поставил его так, чтобы можно было опереться на него спиной. Просунул большой палец под ушко, дернул вверх и открыл банку. Поднес кока-колу поближе к носу, уловил шипение лопающихся пузырьков и протянул банку мальчику.

- На-ка, пробуй.
- Мальчик взял банку.
- Там пузыри.
- Ну же, не бойся.

Мальчик посмотрел на отца, наклонил банку и сделал один глоток. Задумчиво посидел, решая, нравится ему или нет, а потом сказал:

- Ужасно вкусно.
- Ну видишь.
- Пап, ты тоже глотни.
- Я хочу, чтобы ты все выпил сам.
- Пап, ну пожалуйста.

Он взял банку, чуть-чуть отхлебнул и вернул мальчику.

- Допивай. Давай посидим здесь немного.
- Потому что мне никогда больше не придется такое попробовать, да?
- Кто знает, что нас ждет впереди.
- Понятно.

День уже подходил к концу, когда они вошли в город. Длинные бетонные щупальца хайвеев и переплетения шоссе-развязок, словно развалины гигантского парка аттракционов, маячили в сгущающемся сумраке. Засунул револьвер за пояс, куртку оставил незастегнутой. Повсюду лежали мумифицированные тела: потрескавшаяся плоть на костях скелета, сухие и перекрученные, как проволока, сухожилия, сморщенные изможденные лица мучеников серее савана, оскаленные желтоватые зубы. Обувь давным-давно украдена, так они и лежали – босонogie, будто паломники.

Пошли дальше. Он постоянно смотрел в зеркальце, проверял обстановку у себя за спиной. Никакого движения, только пепел летит по улицам. Перешли реку по высокому бетонному мосту. Причал вниз. В серой воде – полузатопленные маленькие катера, ниже по течению – катеров еще больше, целое кладбище увязших в жирной саже суденышек.

В тот же день, пройдя еще миль пять на юг и чуть не заблудившись в зарослях мертвого кустарника, на очередном повороте дороги набрали на ветхий дом с трубами, треугольниками мансард и каменной оградой. Он резко остановился. Потом повернул к дому, толкая перед собой тележку.

– Что это за место, пап?

– В этом доме прошло мое детство.

Мальчик стоял и рассматривал дом. Деревянная обшивка нижней части почти полностью отсутствовала – пошла на костер, – так что обнажились балки и куски утеплителя. Негодная москитная сетка с заднего крыльца валялась на цементном полу террасы.

– Ты что, хочешь зайти?

– А почему бы нет?

– Я боюсь.

– Неужели не хочешь посмотреть, где я жил?

– Нет.

– Ничего страшного ты не увидишь, не бойся.

– А вдруг там кто-то есть?

– Не думаю.

– А вдруг?!

Стоял и смотрел на окно своей комнаты. Перевел взгляд на мальчика.

– Если хочешь, подожди здесь.

– Не хочу. Ты всегда так говоришь.

– Извини.

– Я не обижаюсь. Но ты всегда так говоришь.

Они скинули рюкзаки, и оставили их на веранде, и, расшвыривая мусор ногами, вошли в дом через кухонную дверь. Мальчик не отпускал его руку. Внутри ничего не изменилось. Пустые комнаты. В комнате рядом со столовой – голая панцирная сетка, складной металлический стол. Все та же чугунная решетка небольшого камина. Исчезли сосновые панели со стен, остались только рейки. Он продолжал осматривать комнату. В деревянной каминной полке нащупал большим пальцем дырочки от гвоздиков, на которых сорок лет назад висели чулки с подарками.

– Когда я был маленьким, мы в этой комнате праздновали Рождество. – Повернулся и посмотрел в окно на безжизненный двор. Заросли мертвой сирени. Остатки «живой» изгороди. – Холодными зимними вечерами, когда из-за бури гасло электричество, сидели с сестрами здесь, перед огнем, и делали домашние задания.

Мальчик наблюдал за ним. Смотрел, как невидимые тени из прошлого обступают отца.

– Давай пойдем, пап. Пора.

– Да-да.

Но с места не сдвинулся.

Пересекли столовую с ее девственно-чистым очагом – мать не допускала, чтобы копоть зачернила желтые кирпичи. Пол вспучился от дождя. В гостиной аккуратная кучка косточек какого-то небольшого животного, вероятнее всего кошки. Стекланный бокал около двери.

Мальчик вцепился в его руку. Поднялись по лестнице на второй этаж, повернули и пошли по коридору. Пирамидки влажной извести на полу, оголенная обрешетка крыши. Он стоял на пороге своей комнаты. Тесное пространство под скатом крыши.

– Я здесь спал. У этой стены стояла кровать.

Сколько снов ему приснилось в этой комнате за те бесчисленные ночи! Сны, рожденные воображением ребенка, переносили в прекрасные или страшные миры. Ни тем ни другим не суждено было стать реальностью. Распахнул дверцу стенного шкафа, втайне надеясь увидеть вещи из детства. Ничего, только холодный дневной свет, пробивающийся из пролома крыши. Мрачный, как его душа.

– Пойдем отсюда, пап. Пойдем, а?

– Да, пошли.

– Мне страшно.

– Я вижу. Прости.

– Мне очень страшно.

– Все в порядке. Не надо было сюда приходить.

Три ночи спустя у подножия гор, тянувшихся на восток, его разбудили непонятные звуки. Он лежал в темноте, вытянув руки вдоль тела. Земля дрожала. Что-то двигалось прямо на них.

– Папа?! Папа?!

– Тсс. Не волнуйся.

– Что это, пап?

Гул приближался, нарастал, все вокруг тряслось. А потом волна прокатилась под ними, как поезд в подземном тоннеле, и бесследно канула в темноту. Мальчик – весь в слезах – прижался к нему и спрятал лицо у него на груди.

– Ш-ш-ш. Все прошло.

– Я боюсь...

– Я знаю. Не бойся. Все в порядке.

– Что это было, пап?

– Землетрясение. Все позади. Обошлось. Ш-ш-ш.

В самые первые годы дороги были забиты беженцами. Закутанные с ног до головы, в масках, в защитных очках, они брели по дороге или сидели на обочине, как потерпевшие аварию авиаторы. Горы тряпья на тачках. Тянут за собой повозки или тележки. Ярким блеском горят глаза. Безучастные коконы, ковыляющие по тракту, словно переселенцы в лихорадочном бреде. Бренность мира наконец-то становится очевидной. Давние проблемы остаются нерешенными, растворяются в ночи. Были – и нет их. Выключен свет, пусто. Оглянись вокруг. «Вечность» занимает много времени. Но мальчик знал всему цену: «вечность» – безвременна.

Пока ребенок спал, он сидел около мутного окна в заброшенном доме и при тусклом предзакатном свете читал старую газету. Курьезы. Забытые тревоги. В восемь часов первоцвет закрывает лепестки. Время от времени он смотрел на спящего сына. «Ты сможешь это сделать, когда наступит час? Сможешь?»

Они расположились прямо на дороге и съели холодные рис и бобы, которые приготовили еще два дня назад. Уже забродившие. Не нашлось места, где можно было бы, оставшись незамеченными, разжечь огонь. Спали в обнимку, закутавшись в зловонные одеяла, в темноте, на холоде. Он прижал мальчика к себе. Кожа да кости.

– Сердце мое, – сказал он. – Сердце мое.

Он понимал, что оказался хорошим отцом. Но понимал также, что она во многом была права. Говорила, что он цепляется за мальчика, чтобы не умереть самому. Это правда.

А потом он утратил счет месяцам. Решил, что у них достаточно еды для перехода через горы, но наверняка сказать невозможно. Преодолеть перевал на высоте пять тысяч футов, да еще в такой холод... Повторял, что спасение ждет их на побережье, и в то же время, шагая в ночи, знал, что выдавал желаемое за действительное. С большей вероятностью они просто погибли в горах, и на этом все закончится.

Дорога привела их к руинам курортного городка. Они продолжали двигаться строго на юг. Сожженные леса по склонам гор тянулись на многие мили, а на земле, чего он никак не ожидал, уже лежал снег. Никаких следов на дороге, ни одного живого существа. Закопченные валуны среди деревьев, по форме и размеру похожие на медведей. Он остановился на каменном мосту в том месте, где вода не торопясь разливалась и, лениво крутясь, превращалась в серую пену. В том месте, где когда-то наблюдал, как стайка форели резвилась в воде, как на каменистом дне мелькали тени рыб. Пошли дальше, мальчик устало тащился позади. Всем телом налегая на тележку, отец толкал ее зигзагами вверх по склону. Высоко в горах продолжались лесные пожары, и по ночам они видели яркие оранжевые всполохи там, где огонь отражался в носящихся в воздухе хлопьях сажи. Становилось все холоднее, приходилось ночь напролет жечь костер. По утрам, отправляясь в путь, и не думали его тушить. Обернули ноги кусками дерюги и перевязали бечевкой. Земля была только-только присыпана снегом, но он понимал, что, если начнется настоящий снегопад, тележку придется бросить. Уже и так стало трудно ее толкать, он часто останавливался перевести дух. Доковыляв до обочины, повернувшись спиной к сыну, стоял, упираясь руками в колени, и кашлял. Выпрямлялся, из глаз текли слезы. От крови снег превратился из серого в грязно-розовый.

Остановились на привал под боком огромного валуна: воткнули палки в землю и натянули на них полиэтилен. Он разжег костер, и они стали таскать ветки, чтобы хватило на всю ночь. Бросили на снег подстилку из сухих стеблей болиголова и устроились на ней, завернувшись в одеяла и допивая остатки какао из старых запасов. Опять пошел снег, мягкие снежинки падали из темноты. От тепла его разморило. Мальчик вернулся с новой охапкой веток, его тень промелькнула над отцом. Сквозь полуопущенные веки он наблюдал, как мальчик подбросил веток в костер. Огнедышащий дракон, ниспосланный Богом. Искры взвились в небо и погасли в беззвездной черноте. Не всем предсмертным словам можно верить. Благословен огонь, хоть и недолговечен.

Проснулся незадолго до наступления рассвета. Костер потух, остались только угли. Вышел на дорогу. Все вокруг было освещено. Будто заблудившееся солнце наконец-то вернулось домой. Снег оранжевый, весь в блестках. Лесной пожар двигался по сухостою у них над головами, взвиваясь и переливаясь на фоне туч, будто северное сияние. Он простоял так довольно долго, не обращая внимания на стужу. Что-то давно забытое всколыхнулось в груди при виде этого цвета. Прочти литанию. Запомни.

Наступили настоящие холода. В этом заоблачном мире все застыло в неподвижности. Над дорогой повис густой запах дыма. Толкал тележку по снегу. Несколько миль в день. Не представлял, далеко ли до перевала. Ели по чуть-чуть, постоянно мучил голод. Стоял и смотрел на раскинувшиеся внизу дали. На ленту реки. Как высоко они уже забрались?

Ему приснилось, что она заболела, а он за ней ухаживает. Во сне это смахивало на акт самопожертвования, но он отогнал эту мысль. Не помог он ей, и она умерла в одиночестве, во тьме. Нет никаких других снов, нет пробуждения, и не о чем рассказывать.

На этой дороге не встретить Божьих избранников. Пропали, остался я один, и мир исчез вместе с ними. Загадка: чем отличается «никогда» в настоящем от «никогда» в прошлом?

Темное пятно невидимой луны. Ночи стали немного светлее. Днем Солнце обходит Землю, как скорбящая мать со свечой.

На рассвете на обочинах сидели люди – полуживые, в дымящейся одежде. Будто несостоявшиеся фанатики-самоубийцы. Другие старались им помочь. Год спустя на мостах жгли костры и раздавались безумные песнопения. Крики жертв. Днем вдоль дороги стояли стеной кольца с телами. В чем их вина? Подумал, что за всю историю человечества наказаний было больше, чем преступлений. Слабое утешение.

Дышать становилось все труднее, решил, что до перевала рукой подать. Может, завтра доберутся. Завтра наступило и закончилось, а до перевала они так и не дошли. Снегопад прекратился, но волоочь тележку по глубокому, дюймов шесть, снегу сил не было. Он сказал себе, что придется, наверно, ее бросить. Интересно, сколько они смогут на себе унести? Остановился, посмотрел вдаль. Пепел падал на снег, пока все не почернело.

За каждым поворотом ему чудилось, что они у цели. Однажды вечером он остановился, огляделся и понял: вот и перевал. Расстегнул куртку на шее, и опустил капюшон, и стал вслушиваться. Шум ветра в стеблях сухого болиголова. Пустая парковка рядом с обзорной площадкой. Мальчик стоял сбоку. Он сам однажды зимой там стоял, только со своим отцом, много лет назад.

– Что это, пап?

– Перевал. Мы дошли.

Утром они продолжили путь. Жуткий холод. В середине дня опять пошел снег. Привал устроили раньше обычного, и залегли под навесом из полиэтилена, и смотрели, как падают снежинки в костер. К утру снега навалило по колено, но небо расчистилось, и стало так тихо, что можно было различить биение собственного сердца. Навалил сучьев на угли, раздул огонь и поковылял по сугробам выкапывать тележку. Перебрал банки, пошел назад. Потом они с мальчиком сидели у костра и доедали последние крекеры с сосисками из алюминиевой банки. В кармане своего рюкзака он обнаружил ополовиненный пакетик с порошком какао, развел его для сына, а себе налил кипятку, сел и стал дуть на край кружки.

– Ты ведь обещал так не делать, пап.

– Чего не делать?

– Сам знаешь.

Вылил кипяток обратно в кастрюлю, забрал у сына кружку, отлил себе чуть-чуть какао и вернул кружку.

– Все время приходится за тобой следить.

– Да, нехорошо.

– Если ты не удержишь слово в мелочах, то обязательно нарушишь в главном. Ты сам так сказал.

– Знаю, знаю. Больше не буду.

Преодолев перевал, весь день с трудом спускались по южному склону. Несколько раз тележка застревала в глубоком снегу. Тогда он, одной рукой таща ее за собой и размахивая для равновесия другой, прокладывал дорогу по сугробам. Где угодно, но только не здесь, в горах, можно найти что-нибудь подходящее, чтобы сделать санки, будь то старый придорожный знак или лист кровельного железа. Обернутые кусками дерюги ноги промокли насквозь, высушить их или согреть возможности не было. Время от времени он опирался на тележку отдышаться, а мальчик стоял и терпеливо ждал. Откуда-то сверху донесся громкий треск. Потом еще раз.

– Дерево упало всего-навсего. Не бойся, – успокоил он мальчика. Тот всматривался в мертвые деревья по краям дороги. – Не бойся. Все деревья свалятся рано или поздно, но не на нас.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, и все.

Один раз наткнулись на огромный завал из деревьев. Пришлось все из тележки вытряхивать и по отдельности перетаскивать и ее, и вещи через поваленные деревья, а потом укладывать все обратно. Мальчик нашел игрушки, про которые уже давно забыл. Достал желтую машинку, примостил ее поверх узла, так и тронулись в путь.

Вблизи дороги на противоположной стороне замерзшего ручья увидели пригорок. Расположились там на ночлег. Ветер унес весь пепел с черного как уголь льда, и ручей напоминал высеченную в базальте дорогу, вьющуюся в лесу. Дрова для костра собирали на северном склоне – там было посуше. Валили целые деревья и затем оттаскивали к месту привала. Развели огонь, натянули полиэтилен и развесили на кольях вокруг костра одежду, от которой скоро пошел пар и вонь. Сами сидели голышом, завернувшись в одеяла, согревались, он упер ноги мальчика себе в живот и грел их теплом своего тела.

Ночью ребенок проснулся весь в слезах, отец крепко прижал его к себе.

– Ш-ш-ш. Все хорошо.

– Мне приснился плохой сон.

– Я так и подумал.

– Рассказать?

– Если хочешь.

– У меня был заводной пингвин. Такой, знаешь, который машет крыльями и смешно переваливается. Мы сидели в нашем старом доме, а он появился из-за угла. Но его ведь никто не заводил! Стало так страшно!

– Еще бы.

– Намного страшнее, чем я тебе рассказываю.

– Знаю, сны иногда бывают очень страшными.

– А почему он мне приснился?

– Этого я не знаю. Но теперь уже нечего бояться. Я подкину веток в костер, а ты постарайся уснуть.

Мальчик помолчал, а потом сказал:

– А у него даже заводной ключ не поворачивался.

Понадобилось четыре с лишним дня, чтобы преодолеть заснеженный склон горы. Да и потом еще кое-где попадались скопления снега на особенно крутых поворотах, а сама дорога была черная и мокрая из-за того, что сверху потоками сползала жидкая грязь; в некоторых местах она затопила полотно дороги и текла вниз по откосу. Вышли к узкой горловине ущелья, на дне которого в темноте шумела река. Стояли и слушали.

На противоположной стороне каньона – высокие скалы и тонюсенькие черные деревья, судорожно цепляющиеся за склоны. Шум реки стал тише. Потом опять усилился. Снизу повеяло холодом. До реки добирались целый день.

Оставили тележку на парковке и пошли по лесу. Со стороны реки доносились громоподобные звуки. Водопад. Вода устремлялась вниз с каменного обрыва и, падая с восьмидесятифутовой высоты, разбивалась о поверхность озера. В воздухе висела пелена серой водяной пыли. Запах воды. Тянет холодом. Мокрая галька на берегу. Стоял и наблюдал за мальчиком.

– Вот это да! – воскликнул сын. Не мог оторвать глаз от реки.

Присел на корточки, и набрал пригоршню гальки, и понюхал камешки, и затем со стуком высыпал их на землю. Круглые, отполированные, похожие на стеклянные шарики или на леденцы, только каменные, с прожилками и полосками. Темные вкрапления и блестящие песчинки кварца, сверкающие во влажном от речного тумана воздухе. Мальчик подошел к реке, присел, умылся черной водой.

Водопад обрушивался в озеро почти в его центре, образуя серую бурлящую воронку. Они стояли бок о бок и громко разговаривали, стараясь перекрычать рев воды.

– Холодно?

– Вода ледяная.

– Хочешь искупнуться?

– Не знаю.

– Конечно хочешь...

– А можно?

– Пошли.

Он расстегнул куртку, бросил ее на гравий; мальчик поднялся, они разделись и зашли в воду. Бледные как привидения, зуб на зуб не попадает. Ребенок какой худющий – ходячий скелет! От этого зрелища заныло сердце.

Нырнул, выплыл на поверхность, лоя ртом воздух, повернулся и встал, похлопывая себя по бедрам.

– Мне там с головкой?

– Нет. Залезай.

Повернулся и поплыл к водопаду, преодолевая встречное течение. Мальчик зашел в воду по пояс и, обхватив руками плечи, прыгал в воде вверх-вниз. Отец поплыл к нему и, затащив подальше на глубину, поддержал голову, чтобы тот поплавал. Мальчик прерывисто дышал и молотил по воде руками и ногами.

– У тебя получается. Здорово получается.

Дрожа от холода, оделись и по тропинке поднялись вдоль берега к тому месту, где река, казалось, вдруг обрывается и исчезает. Он помогал мальчику перелезть через камни. Подошел к самому краю. Вода неслась к обрыву и с грохотом падала вниз. Целиком исчезала в озере. Мальчик схватил отца за руку.

– Как высоко!

– Очень.

– Если упадешь, наверное, разобьешься насмерть?

– Скорее, покалечишься. С такой высоты...

– Ух как страшно.

Пошли по лесу. Свет угасал. Шли по ровным участкам берега в верховьях реки, огибая огромные мертвые деревья. Густой южный лес, в котором когда-то росли и подофил, и зимолубка, и женьшень. Вокруг шершавые сухие ветки рододендрона – узловатые, перекрученные, черные. Он внезапно остановился. Под ногами в пепле и древесной трухе что-то было. Наклонился, разгреб мусор. Небольшая колония. Съежившиеся, сухие, морщинистые. Взял один, поднес поближе к лицу, понюхал. Откусил крохотный кусочек, пожевал.

- Что это, пап?
- Сморчки. Это сморчки.
- Что такое сморчки?
- Грибы такие.
- Их можно есть?
- Можно. Возьми, попробуй.
- Они вкусные?
- Попробуй.

Мальчик понюхал гриб, откусил чуть-чуть, разжевал. Посмотрел на отца:

- Очень даже ничего.

Выковыряли все грибы, такие необычные с виду, и сложили мальчику в капюшон куртки, и вернулись на дорогу, и пошли к тому месту, где оставили тележку. Разбили привал на краю озера. Отмыли грибы от земли и пепла и замочили в кастрюле. К тому времени, когда огонь разгорелся в полную силу, уже наступила ночь. На чурбаке нарезал грибы тонкими ломтиками, бросил на сковородку, добавил туда же свиной жир из банки тушеных бобов, поставил все это поджариваться на углях. Мальчик смотрел.

- Мне это место нравится.

Полужинали грибами и бобами, выпили чая, а на десерт открыли баночку консервированных груш. С одной стороны костер был защищен обломком скалы, а с другой они натянули полиэтилен, чтобы жар не уходил. Получился теплый закуток. Он рассказывал мальчику истории из прошлого, какие еще не забыл – про мужественных и справедливых людей, – пока тот не уснул в ворохе одеял. Потом подкинул в костер веток и лежал, сытый и согретый, слушая глухой грохот водопада где-то внизу, среди темного безжизненного леса.

Утром решил прогуляться, пошел вниз по течению. Мальчик был прав: место оказалось очень удобным. Надо проверить, не привлекло ли оно кого-нибудь еще. Не нашел никаких следов чужого присутствия. Стоял и наблюдал за рекой, как она стекала в затон, там кружилась, пенилась и клубилась в водовороте. Бросил в воду белый голыш, и он моментально исчез, словно языком слизнули. Однажды он вот так стоял на берегу реки, рассматривал форелей, обычно невидимых в светло-коричневой воде. Разве что когда рыба переворачивалась с боку на бок в погоне за кормом. В черной глубине солнце острыми лучиками отражалось от рыбьей чешуи, – наверное, так блестят, попав в полосу солнечного света, лезвия ножей в пещере.

– Нам нельзя здесь оставаться. С каждым днем становится все холоднее. Водопад может кого-нибудь привлечь. Мы же пришли. И другие придут. Мы не знаем, что у них на уме, и не услышим, когда они сюда заявятся. Опасно.

- Еще один денек, пап.
- Опасно здесь оставаться.
- Может, поищем другое место на реке?
- Надо идти дальше. На юг.
- А река разве не течет на юг?

- Нет, не течет.
- А можно на карте посмотреть?
- Можно. Подожди, достану...

Потрепанная дорожная карта, изданная в свое время для работников нефтедобывающей компании, была когда-то склеена скотчем, но со временем распалась на отдельные листки. Он каждый пронумеровал фломастером в верхнем углу. Покопался в них и расправил тот, на котором можно было показать, где они сейчас находятся.

– Здесь мы перейдем мост. Похоже, до него еще миль восемь или вроде того. Вот река. Течет на восток. Пойдем по дороге по восточному склону гор. Вот они – дороги, черные линии на карте. Штатные дороги.

- Почему «штатные»?
- Потому что раньше они принадлежали штатам. Тому, что когда-то называлось штатами.
- Штатов больше нет?
- Нет.
- Что с ними случилось?
- Точно не знаю. Хороший вопрос.
- Но дороги сохранились.
- Да, пока.
- Сколько еще им ничего не сделается?
- Не знаю, может, и долго. Им пока ничто не угрожает, так что они еще на какое-то время останутся.

- Но не будет ни машин, ни грузовиков.
- Нет.
- Вот и хорошо.
- Ты готов?

Мальчик утвердительно кивнул, вытер нос рукавом, закинул на плечи рюкзак. Отец сложил карту, поднялся, сын последовал за ним сквозь серый частокор деревьев к дороге.

Внизу показался мост. На нем, загораживая проход, застрял тяжелый грузовик-фура, уткнувшийся в погнутые перила. Опять зарядил дождь, они стояли, накрывшись полиэтиленом, рассматривая мост из голубоватого марева своего убежища. Капли дождя тихо шуршали по пленке.

- Обойдем фуру?
- Вряд ли. Скорее всего, придется под ней пролезть, только надо будет разгрузить тележку.

Мост пересекал реку неподалеку от водопада. Его шум стал слышен на повороте дороги. Из ущелья налетел ветер, они затянули потуже края полиэтилена и вкатили тележку на мост. Сквозь металлическую арматуру просматривалась река внизу. Ниже по течению сразу за водопадом был железнодорожный мост. На его каменных опорах были хорошо видны те места, докуда доходила вода во время наводнения, а в излучине реки громоздились завалы из веток, стволов и валежника.

Грузовик, похоже, стоял на мосту с незапамятных времен: обмякшая резина складками лежала под дисками колес, кабина водителя застряла в ограждении моста, кузов перекосялся и врезался в кабину сзади. Грузовик развернуло, и зад уткнулся в перила на противоположной стороне моста, выворотив с корнем одну секцию, и она повисла на арматуре над водным потоком. Он попытался затолкать тележку под грузовик, но мешала ручка. Придется тащить боком, пока же они накрыли тележку полиэтиленом и бросили под дождем. Согнувшись, залезли под

фуру. Оставив мальчика сидеть на сухой земле под машиной, он взобрался на приступку рядом с бензобаком, смахнул воду со стекла и заглянул в кабину. Потом перепрыгнул на подножку, дотянулся до ручки, открыл дверь, пролез внутрь, захлопнул дверь. Посидел, осматриваясь. Позади сидений – спальное место. Пол завален бумагой. Бардачок не заперт, в нем ничего нет. Перелез через сиденья. На лежанке – отсыревший матрас. Мини-холодильник с открытой дверцей. Откидной столик. Старые журналы на полу. Пустые фанерные полки. Под лежанкой – ящики, тоже пустые. Он все проверил, и все открыл, и выдвинул, и даже покопался в мусоре. Вернулся в кабину и сел на водительское место. Смотреть сквозь пелену дождя на реку внизу. Легкий стук капель по железной крыше. Всепоглощающая темнота.

Ночь провели в кабине, а утром дождь прекратился, и тогда они смогли разгрузить тележку, перенести ее и все вещи под грузовиком на ту сторону и сложить все обратно. Внизу в сотне футов от моста лежали почерневшие останки горелых покрышек. Он стоял и рассматривал фуру.

– Как ты думаешь, что там внутри?

– Не знаю.

– До нас кто-то тут побывал. Наверняка всё забрали.

– А как попасть внутрь?

Он прижался ухом к стенке фуры, а потом ударил ладонью по металлической поверхности.

– Судя по звуку, пусто. Можно, наверное, залезть через крышу. В боку было бы отверстие, сумей его кто-нибудь проделать.

– Чем?

– Нашли бы чем.

Снял куртку, бросил ее на тележку, залез на бампер, потом на капот и через лобовое стекло перемахнул на крышу кабины. Выпрямился, повернулся и посмотрел на реку внизу. Под ногами – скользкий мокрый металл. Посмотрел на сына. На его встревоженное лицо. Повернулся, схватился руками за верх фуры, подтянулся. Еще раз, еще. Иначе не взобраться. Спасибо хоть не толстый. Закинул ногу на ребро крыши, повисел так, отдыхая, потом сделал последний рывок и перекатился на крышу.

Разглядел люк посередине крыши, по-обезьяньи перебирая руками и ногами, добрался до него. Крышки на люке не было, из отверстия пахло мокрой фанерой и уже ставшим таким знакомым запахом кислоты. Вытащил из кармана брюк журнал и вырвал несколько страниц, скомкал и, достав зажигалку, поджег бумагу и бросил вниз, в черноту. Слабый свист. Разогнал дым, заглянул внутрь. Такое ощущение, будто бумага горит на дне пропасти, а вовсе не в паре футов от крыши. Козырьком ладони прикрыл глаза и тогда смог хорошо разглядеть содержимое фуры. Трупы. Навалены как попало. Мумии в сгнившем тряпье. Бумажный комок, догорая, на мгновение ярко вспыхнул, как цветок, как расплавленная роза. А потом опять стало темным-темно.

Заночевали в лесу на гребне холма, с которого открывался вид на широкую долину, уходящую далеко на юг. Он развел костер под защитой скалы. Поужинали остатками грибов и банкой шпината. Ночью высоко в горах разразилась гроза, оглушительный грохот и треск обрушивались на равнину внизу. Серое небо то и дело освещалось вспышками молний. Мальчик прижался к отцу. Гроза закончилась, сменившись непродолжительным градом, потом зарядил холодный нудный дождь.

Проснулся в темноте. Дождь уже перестал. Долину заливает тусклый свет. Поднялся, прошелся по краю гребня. Зарево, растянувшееся на много миль. Сев на корточки, смотрел на огонь. Явственно различил запах дыма. Послунявил палец, подставил его ветру. Когда поднялся и повернулся, чтобы идти обратно, увидел освещенный изнутри полиэтилен – значит, мальчик проснулся. Голубоватое свечение, казалось, висело над стартовой площадкой, с которой им предстоит отправиться в последнее путешествие на край света. Про которое некому будет рассказывать. Некому. Не надо себя обманывать.

Весь следующий день они шли, окутанные запахом гари. Все тонуло в клубках дыма, который, как туман, поднимался от земли. На фоне тонких черных деревьев, горящих по склонам, словно свечи язычников. Ближе к вечеру подошли к месту, где пламя только-только пересекло дорогу: щебеночное покрытие еще не остыло и чем дальше, тем больше проседало под ногами. К подошвам прилипал битум, его тонкие нити тянулись от ботинок к дороге, затрудняя каждый шаг. Остановились.

– Придется переждать, – сказал он мальчику.

Вернулись на основную дорогу, там провели ночь и утром зашагали опять. Щебенка к тому времени остыла. Вскоре наткнулись на следы отпечатавшихся в битуме подошв. Непонятно, откуда взялись. Он присел и стал их изучать. Кто-то ночью вышел из леса и пошел по расплавленной дороге.

– Кто это может быть?

– Не знаю. Никто.

Они вскоре догнали его на дороге: незнакомец еле двигался, волочил одну ногу, периодически останавливался и стоял согнувшись, не решаясь тронуться дальше.

– Что будем делать, пап?

– Пока ничего. Пойдем следом и понаблюдаем.

– Последим за ним?

– Да-да, последим.

Плелись за ним довольно долго, теряя драгоценное время. Наконец он сел на дорогу и больше уже не поднимался. Мальчик вцепился в отцовскую куртку. Никто не промолвил ни слова. Незнакомец явно побывал в огне: опален под стать пейзажу вокруг, обуглившаяся одежда, один глаз обожжен и навеки закрыт, на почерневшем черепе – клочья пепла вместо волос. Когда они проходили мимо, он смотрел себе под ноги и даже не взглянул на них. Как будто чего-то стеснялся. Башмаки перевязаны проволокой, покрыты пятнами битума. Сидит в своих лохмотьях в полном молчании и не шевелится. Мальчик то и дело оглядывался.

– Пап, что с ним?

– В него ударила молния.

– Мы можем ему помочь? Пап?

– Нет. Не можем.

Мальчик продолжал дергать его за полу куртки.

– Пап...

– Перестань.

– Мы можем ему помочь?

– Нет. Не можем. Ему уже ничто не поможет.

Продолжали идти. Мальчик плакал. Постоянно оборачивался. Когда они спустились с холма, отец остановился, посмотрел на сына, посмотрел на дорогу у них за спиной. Незнакомец завалился на бок, на таком расстоянии уже трудно было понять, что там лежит.

– Мне очень жаль этого человека, – сказал отец. – Но мы ничем не можем ему помочь. Нам нечего ему дать. С ним случилась ужасная беда, но мы не можем ничего изменить или исправить. Ты ведь это понимаешь?

Мальчик смотрел в землю. Кивнул. Пошли дальше, больше он уже не оборачивался.

Вечером небо осветилось тусклым зеленовато-желтым светом. В канавах вдоль дороги черная вода вперемешку с грязью от оползней. Горы, теряющиеся в дымке. Перешли реку по бетонному мосту. Речной поток медленно нес скопления пепла и комки глины. Обуглившиеся деревяшки. Пройдя еще немного, решили вернуться и заночевать под мостом.

Он таскал с собой бумажник, пока тот не протер дырку в углу кармана. Как-то раз сел на обочине, и достал бумажник, и вытряхнул содержимое. Немного денег, кредитные карты. Водительское удостоверение. Фотография жены. Разложил на земле. Как карточную колоду. Закинул в лес изрядно потертый кусок кожи и сел с фотографией в руках. Потом положил ее рядом с остальными вещичками, встал, и они пошли дальше.

Утром, лежа на спине, разглядывал глиняные гнезда ласточек в углах мостовых пролетов. Посмотрел на мальчика, но тот отвернулся: лежал, уставившись на реку.

– Мы ничем не могли ему помочь.

Мальчик продолжал молчать.

– Он скоро умрет. Если бы мы поделились с ним едой, нам самим бы не хватило, тогда умерли бы мы...

– Я понимаю.

– Ну и когда ты начнешь опять со мной разговаривать?

– Уже начал.

– Точно?

– Да.

– Ну хорошо.

– Хорошо.

Они стояли на дальнем берегу реки, звали его. Сгорбленные, в лохмотьях, боги, бредущие в безжизненном пространстве. Пересекают котлован исчезнувшего моря, весь в разломах и трещинах, как разбитая тарелка. Расплавившийся песок там, где промчался огненный смерч. Силуэты медленно растаяли вдали. Проснулся и лежал в темноте.

Часы остановились в 1.17. Долгая вспышка света, затем – серия глухих толчков. Он встал и подошел к окну.

– Что это было? – спросила она.

Он не ответил. Пошел в ванную, щелкнул выключателем, электричество уже отрубилось. Мутное розовое марево в окне. Опустился на колени, заткнул пробкой ванну, отвернул краны до упора. Она стояла в дверях ванной комнаты – ночная рубашка, одна рука придерживает живот, другая вцепилась в косяк.

– Что это было? – спросила снова. – Что происходит?

– Я не знаю.

– Почему ты решил помыться?

– Я не собираюсь мыться.

В том далеком прошлом однажды проснулся в пустом лесу и слушал в кромешной темноте крики перелетных птиц. Приглушенные расстоянием, высоко в облаках. Птицы бесцельно кружили над землей – так муравьи бессмысленно бегают кругами по краю тарелки. Он пожелал птицам счастливого пути. Они улетели, и больше он их никогда не слышал.

У него сохранилась колода карт – нашел ее в каком-то доме в ящике письменного стола, карты истрепанные, кое-где порвавшиеся, не хватает двух треф, но они все равно иногда играли, расположившись у костра и закутавшись в одеяла. Пытался вспомнить правила карточных игр своего детства. «Старая дева». Несколько вариантов виста. Был уверен, что перепутал все правила, и потому изобрел новые игры и придумал им названия. Вроде «Ненормальной укаски» или «Кошачьей отрыжки». Время от времени мальчик спрашивал его о прошлой жизни, про которую сам ничего не помнил, так как не застал ее. Долго думал, прежде чем ответить. Прошлое не вернешь. Про что ты хочешь узнать? Решил покончить с вымыслами. Стало противно, ведь фантазии – сплошной обман. Мальчик сам напридумывал: что будет на юге, про других детей. Не мешало бы обуздать детские фантазии, но он не мог себя заставить. А кто бы смог?

Нет списка неотложных дел. День предопределен. Час за часом. Не существует «позже». «Позже» – это уже сейчас. Красивые изящные вещи, дорогие чьему-то сердцу, одновременно источник страданий. Рождаются из горя и праха.

– Так-то вот, – прошептал спящему мальчику. – А у меня есть ты.

Думал про снимок, брошенный на дороге, говорил себе, что должен постараться сделать так, чтобы они ее не забывали. Но не знал как. Проснулся от приступа кашля, отошел подальше, чтобы не разбудить сына. Шел вдоль каменной стены, завернувшись в одеяло, то и дело опускался на колени, как кающийся грешник. Кашлял, пока не ощутил вкус крови во рту. Произнес вслух ее имя. Решил, что, наверное, звал ее во сне. Вернулся и увидел, что мальчик не спит.

– Извини.

– Ничего.

– Постарайся уснуть.

– Как бы мне хотелось быть с мамой.

Он ничего не сказал. Сел рядом с маленькой фигуркой в ворохе одеял и чуть погодя заметил:

– Имеешь в виду, что тебе хотелось бы умереть.

– Да.

– Ты не должен так говорить.

– Но это правда.

– Не надо говорить о таких плохих вещах.

– Не могу не говорить.

– Я понимаю. Ты постарайся.

– Как?

– Не знаю.

– Мы остались в живых, – сказал он сидящей напротив жене. От светильника падал слабый свет.

– В живых?

– Да.

– О господи, да что ты несешь! Какие живые? Мы ходячие мертвецы из фильма ужасов!

- Прошу тебя.
- Мне все равно. Даже если ты заплачешь. Все равно, слышишь?
- Пожалуйста.
- Перестань.
- Умоляю тебя. Я сделаю все, что в моих силах.

– Что, например? Давно надо было это сделать. Когда в обойме было три пули, а не две, как сейчас. Какая я была дура! Мы с тобой ведь тысячу раз обсуждали. Я бы сама не захотела. Меня вынудили. Больше не могу. Сначала даже не хотела тебе говорить. Так было бы лучше. У тебя осталось две пули, и что дальше? Защитить ты нас не можешь. Говоришь, что жизнь за нас отдашь, а какая от этого польза? Я бы взяла его с собой, если бы ты не мешал. Взяла бы, прекрасно знаешь. Самый разумный выход.

- Ты говоришь дикие вещи.

– Нет, я дело говорю. Рано или поздно они нас догонят, схватят и убьют. Сначала изнасилуют меня. Потом – его. Они нас изнасилуют, убьют и съедят, а ты не хочешь смотреть правде в лицо. Предпочитаешь ждать. А я не могу. Не могу.

Она сидела и курила обломок тонкой сухой лозы, словно это была дорогая манильская сигара, изящно зажав его между пальцами. Другая рука бессильно лежала на коленях. Смотрела на мужа сквозь марево от горящего светильника.

- Раньше мы говорили о смерти. Теперь перестали. Не знаешь почему?

- Не знаю.

- А я знаю – она нас настигла. Больше не о чем говорить.

- Я тебя не оставляю.

– А мне все равно. Все бессмысленно. Если хочешь, можешь считать меня вероломной сукой. Я завела себе любовника. Он может дать мне то, что тебе и не снилось.

- Смерть – плохой любовник.

- Великолепный.

- Пожалуйста, не делай этого.

- Прости.

- Я не справлюсь один.

– Тогда брось все. Я тебе не помощница. Говорят, что женщинам снятся сны про несчастья, грозящие их близким, а мужчинам – про несчастья, грозящие им самим. А я не вижу больше снов. Говоришь, один не справишься? Тогда ничего не делай. Проще простого. У меня сердце давно не болит. Я с ним покончила, раз и навсегда. И уже давно. Ты все настаиваешь, что надо бороться. Не за что бороться. Во мне все умерло в ту ночь, когда он родился. Не проси сострадания, его нет. Может, ты окажешься хорошим отцом. Я в этом не уверена, но кто знает... Одно ясно – если ты останешься один, у тебя пропадет желание жить. Я по собственному опыту знаю. Тому, кто совсем одинок, можно только посоветовать придумать себе кого-нибудь. Вдохнуть в него жизнь, задобрить словами любви. Отдать последнюю крошку хлеба, защитить от опасности собственным телом. Что касается меня, то я ищу только вечного небытия. Это моя последняя надежда.

Он ничего не ответил.

- Видишь, тебе нечего возразить.

- Ты попрашаешься с ним?

- Нет, не хочу.

- Подожди хотя бы до утра. Пожалуйста.

- Мне пора.

Она уже встала.

- Во имя всего святого! Что я ему скажу?

- Ничем не могу помочь.

- Куда ты пойдешь? В этой темноте...
- Какая разница...
- Он вскочил.
- Я прошу тебя...
- Нет, я не останусь. Не могу.

Она ушла. Навсегда. Холод расставания стал ее прощальным подарком. Она сделает это осколком обсидиана. Сам ее научил. Тоньше лезвия, острее стали. Она была права. Без сомнения. Сколько ночей они провели в спорах «за» и «против» самоубийства с глубокомыслием философов, обряженных в смиренные рубашки! Утром мальчик не сказал ни слова и только, когда они собрались отправиться в путь, обернулся, посмотрел на место их стоянки и прошептал:

- Она не вернется?
- Нет, – ответил он.

Всегда такой предусмотрительный, готовый к любым неожиданным поворотам. Идеальное существо, не страшящееся собственного конца. Они сидели у окна в халатах, ели поздний ужин при свечах и наблюдали, как на горизонте горят города. Несколько ночей спустя она родила – в их кровати, при свете фонаря. Резиновые перчатки для мытья посуды. Происходило невероятное. Сначала появилась макушка. Вся в крови, реденькие темные волосики. Первое испражнение кишечника. Он как будто не слышал ее криков. За окном – надвигающийся холод да пламя вдали. Он держал на весу крохотное красное тельце, такое голенькое и беззащитное, потом перерезал хозяйственными ножницами пуповину и завернул своего сына в полотенце.

- У тебя были друзья?
- Да, были.
- Много?
- Да.
- Ты их помнишь?
- Да. Я их помню.
- А где они сейчас?
- Умерли.
- Все?
- Все до единого.
- Ты по ним скучаешь?
- Да.
- Куда мы идем?
- На юг.
- Ладно.

Весь день они шагали по черной дороге, лишь под вечер устроили привал и немного перекусили. Берегли свои скудные запасы. Мальчик достал из тележки игрушечный грузовик и сучком прокладывал для него дорогу в пепле. Грузовик медленно катился. Мальчик изображал шум мотора. Было почти тепло, и они уснули прямо на земле, зарывшись в листья и подложив рюкзаки под голову.

Его разбудил какой-то звук. Повернулся на бок, прислушался. Медленно поднял голову, в руке – револьвер. Посмотрел на сына, а когда перевел взгляд обратно на дорогу, то ужаснулся: эти подошли так близко, что можно было легко разглядеть идущих в первом ряду.

– О господи, – прошептал. Дотянулся до ребенка и легонько его потряс, не спуская глаз с дороги.

Они приближались, шаркая ногами по пеплу, поводя из стороны в сторону головами в капюшонах. Некоторые – в противогазах. На одном – костюм биохимической защиты. Неимоверно грязный, весь в пятнах. Опущенные плечи, в руках – длинные дубинки. Кашляют. Потом с дороги донесся звук, похожий на рев дизельного мотора.

– Скорей, – прошептал он. – Скорей.

Засунул револьвер за пояс, схватил мальчика за руку, поволок тележку среди деревьев и опрокинул там, где она бы меньше всего бросалась в глаза. Мальчик онемел от страха. Отец притянул его к себе:

– Ничего, ничего. Надо бежать. Не оборачивайся. Бежим.

Перекинул оба рюкзака через плечо, и они понеслись по выжженному лесу. Мальчик помертвел от ужаса.

– Беги, – прошептал ему отец. – Беги. – Оглянулся назад: грузовик все ближе и ближе. В кузове стоят люди, озираются. Мальчик упал, он его поднял рывком. – Ничего, ничего. Бежим.

Он заметил просвет в лесу, решил: наверное, канава или просека, оказалось – старая заброшенная дорога за стеной бурьяна. Кое-где сквозь пепел проступают участки потрескавшегося асфальта. Заставил мальчика пригнуться, упали плащмя, прислушиваясь, с трудом переводя дыхание. Различили тарахтенье дизельного мотора, непонятно на чем работающего. Приподнялся, увидел крышу кабины грузовика, ползущего по основной дороге. Мужские фигуры в кузове, у некоторых в руках ружья. Грузовик проехал, черные выхлопные газы клубились между деревьями. Мотор явно барахлил. Сбивался, чихал. Звук удалялся.

Присел, стукнул себя по лбу:

– О боже.

Слышно было, как мотор фырчит и глохнет. Потом тишина. В руке револьвер, не помнил, когда выхватил его из-за пояса. Услышал, как они переговариваются, открывают и поднимают капот. Сидел, обняв мальчика одной рукой.

– Ш-ш-ш, – сказал ему, – ш-ш-ш.

Через некоторое время мотор опять заработал, скрипя и потрескивая, как старый корабль. Чтобы грузовик завелся, людям пришлось его толкать. И скорость набрать оказалось не так-то легко, ведь дорога шла в гору. Пару минут спустя мотор зафыркал и опять заглох. Отец приподнялся и поглядел: прямо на них шел один из этой команды. Их разделяло футов двадцать, не больше. Они застыли от ужаса.

Он поднял револьвер, прицелился. Человек остановился, одна рука висит как плеть, на лице – замызганная мятая маска, какие раньше носили маляры. Сдувается и раздувается при каждом вдохе-выдохе.

– Иди вперед.

Человек посмотрел на дорогу.

– Не оглядывайся. Смотри на меня. Не вздумай кричать. Убью.

Тот сделал несколько шагов вперед, одной рукой придерживая штаны. Неровные дырки в ремне – хроника голода. Другой конец ремня лоснится – о него затачивают нож. Человек отступил к обочине, посмотрел на револьвер, посмотрел на мальчика. Черные круги вокруг запавших глаз. Будто из глазниц человеческого черепа смотрит дикий зверь. Аккуратно подстриженная квадратная борода, судя по всему – пользовался ножницами, на шее – татуировка, отдаленно напоминающая птицу. Тот, кто наносил татуировку, похоже, плохо представлял, как

выглядят настоящие птицы. Жилистый, худой. Первые признаки истощения. Грязный синий комбинезон и черная кепка-бейсболка с вышитым названием какой-то давно исчезнувшей фирмы.

– Куда вы направляетесь?

– Я отошел пострать.

– Я говорю про грузовик.

– Не знаю.

– Как это не знаешь? Ну-ка, сними маску.

Человек стащил маску и стоял, держа ее в руке.

– Говорю же, не знаю.

– Не знаешь, куда вы едете?

– Нет.

– Что за топливо?

– Дизельное.

– Много его у вас?

– Три канистры по пятьдесят пять галлонов. В кузове.

– Патроны есть?

Человек снова оглянулся на дорогу.

– Я же велел не оборачиваться.

– Да, есть.

– Где вы их взяли?

– Нашли.

– Вранье. Чем вы питаетесь?

– Едим что попадется.

– Что попадется, хм.

– Да.

Человек посмотрел на мальчика, сказал:

– Ты не выстрелишь.

– Надейся.

– У тебя в лучшем случае два патрона. Или даже один. И они услышат выстрел.

– Они-то услышат, а вот ты нет.

– Как это?

– Так. Пуля летит быстрее звука. Не успеешь оглянуться, как она очутится у тебя в мозгу.

Чтобы слышать выстрел, нужны лобные доли и еще кое-что под названием «неокортекс» и «верхняя височная извилина». А их-то как раз у тебя и не будет. Одно месиво.

– Ты что, врач?

– Я никто.

– У нас есть раненый. Тебе зачтется, если ему поможешь.

– Я, по-твоему, похож на полного идиота?

– Кто тебя знает.

– Почему ты на него так смотришь?

– Куда хочу, туда и смотрю.

– Забудь. Еще раз на него глянешь, я тебя застрелю.

Мальчик сидел на земле, закрыв руками голову, выглядывал из-под локтей.

– Как пить дать, мальчишка голоден. Пошли-ка лучше со мной в машину. У нас покор-мат. А то уперся как баран...

– У вас есть нечего. А ну, вперед.

– Куда это?

– Двигай давай.

– И не подумаю.

– Нет?

– Не-а.

– Думаешь, не убью? Ошибаешься. Но я бы предпочел взять тебя с собой. Через милую другую отпустим на все четыре стороны. Больше нам ничего не нужно. Тебе нас не найти. Даже не узнаешь, в какую сторону мы пошли.

– Сказать, что я думаю?

– Что?

– Что ты в штаны быстрее наложишь.

Пленник разжал пальцы, ремень упал на дорогу вместе со снаряжением: фляжка, старый армейский брезентовый патронташ, кожаный футляр для ножа. Когда отец поднял взгляд от этой кучи на дороге, подонок держал в руке нож. Всего два шага – и он между ним и мальчиком.

– Ну и что дальше?

Молчание в ответ. Внушительных размеров, но оказался на удивление проворный. Нырнул, схватил ребенка, перекатился, вскочил, прижимая мальчика к груди и приставив ему нож к горлу. Отец упал на колени, повернулся в их сторону, держа револьвер двумя руками, прицелился и с расстояния в шесть футов выстрелил. Человек опрокинулся навзничь, в дырке на лбу пузырилась кровь. Мальчик лежал у него в ногах, лицо его ничего не выражало. Отец молниеносно засунул револьвер за пояс, и закинул рюкзак на плечо, и рывком схватил сына, перевернул, и поднял, и усадил себе на плечи, и кинулся бежать по дороге, придерживая мальчика за коленки. Мальчик обхватил руками его голову. Весь в крови. Немой как рыба.

В глубине леса они наткнулись на старый железный мост, по которому почти исчезнувшая с лица земли дорога пересекала высохший ручей. Его мучили приступы кашля. Откашляться не получалось, какое там – не мог продохнуть. Свернул с дороги в лес. Повернулся и стоял, переводя дух, прислушиваясь. Ничего. Спотыкаясь, проковылял еще с полмили, под конец опустился на колени, положил сына прямо в листья и пепел. Стер кровь с его лица, прижал к себе:

– Все хорошо, все хорошо.

В тот долгий холодный вечер в надвигающейся темноте он услышал их только еще один раз. Притянул мальчика к себе. Кашель застрял в горле. Куртка висит на ребенке, как на вешалке. Трясется от холода. Подождали, пока затихнут шаги. Пошли дальше. Наученные горьким опытом, брели в полном молчании. Настала ночь и вместе с ней – могильный холод. Мальчика всего колотило. Лунный свет не пробивает мрак, идти некуда. В рюкзаке у них было единственное одеяло. Он его достал, укутал сына. Расстегнул куртку, прижал мальчика к себе. Устроились на земле. Лежали довольно долго, никак не могли согреться. Тогда он сел и сказал:

– Надо идти вперед. Нельзя просто так лежать.

Посмотрел по сторонам, ничего не увидел. Слова повисли в бездонной, бескрайней темноте.

Держал сына за руку, пока блуждали по лесу. Другая рука вытянута вперед. С тем же успехом мог двигаться с закрытыми глазами. Укутал мальчика в одеяло поверх куртки. Велел следить, чтобы одеяло не сползло, потом им его не найти. Мальчик просился на руки, но отец заставлял его идти. Колесили по лесу большую часть ночи. До рассвета было еще далеко, когда мальчик упал и больше не смог подняться. Завернул его в свою куртку, потом в одеяло, сел на землю, держал его в объятиях, раскачиваясь взад-вперед. Одна пуля в барабане. Не хочешь смотреть правде в лицо. Не хочешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.